

УДК 811.161.1+81'42

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.127-137

МАРКЕРЫ КОНФЛИКТНОСТИ В РУССКОМ МЕЖЛИЧНОСТНОМ ДИСКУРСЕ

И.А. Садыкова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья является продолжением исследований в русском межличностном дискурсе маркеров конфликтности, обосновывающих коммуникативную коррекцию речи собеседника в случае нарушения им одной из разновидностей коммуникативно значимого молчания – этноречевых запретов. Цель статьи – определить лексический состав языковых единиц, которые являются прямым или косвенным обоснованием коммуникативного вмешательства путем отсылки к социально релевантным признакам лиц, являющихся объектами коммуникативной коррекции (сопляк, пацан, молодой да ранний и т. д.) или объектами, по отношению к которым нарушены коммуникативные правила молчания (мать, отец, старший и т. д.). Подобный исследовательский подход позволяет сделать вывод: маркеры конфликтности, указывая на социально релевантные признаки коммуникантов, могут выступать одновременно и способом самоидентификации личности, вовлеченной в конфликтный дискурс, и эксплицитным средством речевого регулирования коммуникативного поведения личности, нарушившей нормы молчания в социальной оппозиции «старший ↔ младший». Результаты анализа внесут вклад в изучение феномена русского конфликтного дискурса.

Ключевые слова: маркеры конфликтности, конфликтный дискурс, этноречевые запреты, социально релевантные признаки, речевой конфликт, высказывания-коррективы

Актуальным в современной лингвистике признается новый аспект исследования дискурса, которое, по мнению Ли Же, должно осуществляться через «анализ его системообразующих признаков, позволяющих рассматривать его как самостоятельную категорию коммуникации» [1]. В силу того что в последние десятилетия наметилась тенденция к расширению сферы его употребления, исследователи стали говорить о разных типах дискурса, выделение которых было обусловлено выявлением многочисленных схем и моделей дискурсивных практик. Эти схемы и модели характеризуются специфическими языковыми чертами, мотивированными, как отмечает Т.Л. Музычук, «личностью говорящего, его интенциями, мнениями, социокультурным статусом, сферой деятельности и фактором адресата» [2, с. 47–48]. Таким образом, всё больший интерес исследователей к вопросам типологии дискурса вызван тем, что, будучи сложным коммуникативным явлением, он представляет собой многоплановую речемыслительную деятельность языковой личности, которая, по справедливому замечанию В.И. Карасика, выступает как «обобщенный образ носителя культурно-языковых

и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [3, с. 298].

Подчеркнем, что ко множеству экстралингвистических компонентов дискурса относятся знания человека о мире, его мнения, цели и установки и т. д. Мы полагаем, что без их совокупного учета невозможно адекватное описание дискурса, поскольку тот или иной его тип может быть установлен на основе определения специфических языковых черт. В то же время всесторонний анализ всех граней человека говорящего позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты не только конкретной языковой личности, вовлеченной в дискурсивные практики, но и культуры в целом.

В свою очередь, культура, в том числе и речевая, основана на национальном менталитете и, как отмечает В.С. Третьякова, представляет собой «образ и способ мышления языкового коллектива, мироощущение и мировосприятие народа, отраженные в языке» [4, с. 13]. Национальная культура определяет специфику речевого поведения представителя конкретной лингвокультурной общности «через ритуалы и традиции, нормы и правила, этнические стереотипы, а также национальные закономерности, языковые, речевые и невербальные механизмы речевой деятельности коммуникантов и специфики построения дискурса» [4, с. 12].

Очевидно, этим фактором обусловлено то, что, наряду с выделяемыми на сегодняшний день различными типами дискурсов, в терминологический аппарат современной лингвистики вошло понятие «русский межличностный дискурс». Его всестороннее исследование позволяет раскрыть личностно значимые ценностные представления, идеалы и стереотипы поведения и принятия решений русским человеком. Определяя самобытную коммуникативную стратегию русского межличностного дискурса, направленную на достижение взаимности, Т.Е. Владимирова связывает ее с «вплетенностью» русского общения в различные дискурсы, что объясняется разнообразными социальными контактами. Ученый отмечает, что эти контакты «воспринимаются в русской языковой среде как перспектива, позволяющая строить диалогические отношения исходя из ценностных представлений, характерных для межличностного общения. В итоге носитель языка, выступая в различных социальных ролях (пассажира, покупателя, врача, начальника и т. п.), обычно остается самим собой и не ограничивается ролью пользователя языком в программируемой ситуации» [5, с. 8]. Кроме того, по мнению Т.Е. Владимировой, национальное своеобразие речевого взаимодействия предопределяют этические оценки, которые «являются результатом длительной эволюции духовных потребностей» русских [5, с. 8].

Цель настоящей статьи – определить лексический состав языковых единиц, которые выступают прямым или косвенным обоснованием коммуникативного вмешательства путем отсылки к социально релевантным признакам лиц, являющихся субъектами/объектами коммуникативной коррекции или объектами, по отношению к которым нарушены коммуникативные правила молчания. Такие языковые единицы можно отнести к маркерам конфликтности в структуре конфликтной ситуации, порожденной тем, что коммуникант непреднамеренно/преднамеренно не учитывает социальной роли собеседника или полностью ее игнорирует.

Известно, что частью морально-этических норм поведения является речевой код, который регулирует поведение говорящих на данном языке и определяет успешность взаимодействия. В содержание норм включаются как всеобщие, так и этноспецифические правила общения. Последние, по мнению В.С. Третьяковой, формируются «на факте общественного одобрения, а также на основе массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации» [4, с. 13]. Несмотря на то что базируется норма на индивидуальных моделях речевой деятельности говорящих, социально значимой ее делает именно повторяемость. В частности, исследователь замечает: «Коммуникативная норма предписывает то, что человеку надлежит делать, и то, что ему при этом надлежит говорить в рамках существующих фреймов, сценариев, моделей речевого поведения», – и потому именно норма обеспечивает «надежность и предсказуемость, известную стандартность и общепонятность поведения» [4, с. 13].

Как справедливо замечает Н.А. Белоус, порожденные дискурсом «разнообразие коммуникативных форм речевого поведения и различные виды отношений между участниками дискурсивных практик» [6, с. 3], с одной стороны, с другой – языковая манифестация «ролевых проявлений субъектами общения и экспектаций, связанных с реализацией этих ролевых проявлений в интерактивном обмене», могут привести к потенциальному или реальному конфликтному дискурсу [6, с. 3].

Дело в том, что дифференциация общества по таким важным признакам, как социальные роли говорящих и слушающих, отражается в разной степени и в их речевых практиках. Именно потому Л.П. Крысин подчеркивает необходимость учета этих признаков, поскольку, как считает ученый, «интерпретация речевого поведения как существенной части поведения социального не может обойтись без учета и анализа тех ролей, которые играет человек в каждом коммуникативном акте» [7, с. 43].

Заметим, что проблема социальных ролей и их воздействия на речевое поведение коммуникантов не раз становилась объектом исследования. Ученые дают самые разные трактовки того, что представляет собой социальная роль и каково ее содержание (см. [8–10]). Однако при разном понимании содержания понятия «социальная роль» все исследователи отмечают, что коммуникативное поведение индивида в каждой конкретной социальной ситуации должно быть определенным, а индивид обязан в своем поведении соответствовать этим ожиданиям.

Мысль, высказанную относительно ролевых экспектаций, Л.П. Крысин подтверждает рядом примеров: «От врача, скажем, ждут совсем не того, чего ждут от официанта или шофера такси; от школьника ждут послушания, от отца семейства – самостоятельности и инициативы, а к старшему по положению или возрасту обращаются за советом, потому что ожидают почерпнуть необходимое в его опыте. От руководителя ждут не столько логически аргументированного, сколько авторитетного мнения, но если то же самое высказывает кто-то другой, то ожидание меняется: мнение должно быть в первую очередь обоснованным» [7, с. 43]. Таким образом, «стереотипы формируются на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться» [7, с. 44].

Т. Шибутани определяет роль как «представление о предписанном шаблоне поведения, которое ожидается и требуется от человека в данной ситуации» [8, с. 132]. Вслед за Т. Шибутани Л.А. Азнабаева, рассматривая речевое поведение как «один из компонентов конвенциональной роли каждого из коммуникантов, связанный с исполнением ролевых ожиданий», считает: для обеспечения комфортности речевого общения необходимо, чтобы каждый коммуникант точно исполнял свою конвенциональную роль в речевом взаимодействии [9, с. 10].

Как замечает Е.И. Беляева, «вводя коммуниканта в общение в функции носителя социальной роли, мы отображаем в “свернутом” виде как бы его “социальную историю”». При этом ролевая структура личности выступает как эквивалент «ее социального опыта, концентрированное выражение социальных качеств личности, приобретенных в результате тех или иных видов деятельности» [10, с. 262].

Итак, конфликтный дискурс, по определению Н.А. Белоус, представляет собой речевое взаимодействие собеседников, иллюкутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей [6, с. 6]. Различение же контекстов конфликтного дискурса происходит за счет средств языкового выражения: языковых единиц, выбранных оппонентами для обмена репликовыми шагами. Следует отметить, что не всегда эти единицы соответствуют ролевым ожиданиям, и потому именно они в рамках данного исследования становятся маркерами конфликтности, указывающими на несовпадение коммуникативного поведения личности с ценностными представлениями, идеалами и усвоенными стереотипами, характерными для русской языковой личности.

Подобные маркеры конфликтности неизбежны/возможны в русском дискурсе в случае, если коммуникант, находясь в социальной оппозиции «старший ↔ младший», нарушает правила этноречевых запретов. В свою очередь, этноречевые запреты представляют собой имплицитно существующую в том или ином этносе систему «коммуникативных речевых правил, реализующих себя в форме коммуникативно-значимого молчания» [11, с. 61]. И поскольку они «не имеют вербальной альтернативы в виде высказываний, соответствующих коммуникативной норме этноса», их экспликация возможна через особые коммуникативные маркеры, которые содержатся в высказываниях-коррективах [11, с. 61].

Проблема выделения этноречевых запретов в отдельную область коммуникативных норм была поставлена еще в 2005 г. (см. [11]). На тот момент в задачу исследования входили лишь их типология и сопоставительный анализ в разносистемных языках (татарском и русском) с целью выявления общих черт и этноспецифических особенностей. (см. [11]). Однако сегодня мы можем ставить вопрос о возможности системного подхода к этноречевым запретам через анализ дискурсивных практик, порожденных нарушением правил этноречевых запретов. Как показал наш эмпирический материал, несмотря на то что подобное нарушение – весьма редкое явление в русском межличностном дискурсе, тем не менее воспринимается коммуникативным окружением достаточно жестко: подвергается коррекции. Этот факт позволяет нам рассматривать такие ситуации как типологическую разновидность конфликтного дискурса.

Итак, единицей, характеризующей модель конфликтного дискурса, является ситуация, под которой вслед за Н.А. Белоус нами понимается «фрагмент действительности, познаваемый, осмысленный, описанный и преобразуемый в ходе отдельного акта речевой коммуникации» в конфликтный дискурс. [12, с. 89]. В рамках нашего исследования такой ситуацией выступает речевое взаимодействие, которое состоит из высказывания-нарушения коммуникативной нормы молчания и высказывания-корректива, направленного на исправление речи собеседника, нарушившего данную норму. Второй тип высказываний представляет собой регулятивные речевые действия, направленные на прекращение речевой интеракции, спровоцировавшей конфликтный дискурс. Причем апелляция к социально релевантным признакам лиц, выступающих субъектами/объектами коммуникативной коррекции в модели конфликтного дискурса, зачастую является основной тактикой поведения в ходе данного речевого воздействия. Кстати, применение тактики апелляции, характерное для русскоязычных оппонентов конфликтного дискурса, подтверждается и Т.Е. Владимировой [13, с. 10].

Представим примеры двух моделей последовательных интерактивных проявлений говорящего и слушающего, где совершаемые одним из оппонентов речевые действия выходят «за рамки сценария, выбранного его партнером, и, как результат, происходит собственно конфликт». [12, с. 90].

Модель I

«Андрей. У матери голова болит. Сейчас я сам ужин налажу. Вообще ты ее не очень слушай, **она – со странностями**. Иногда такое городит...

Алексей. Перестань.

Андрей. Что?

Алексей. Нехорошо о матери так...» (В.Р.1.).

В представленной модели сигналом коммуникативного конфликтного акта является употребление лицом-ребенком (сыном) единицы *со странностями*, выражающей негативную характеристику личностных качеств лица-родителя (матери).

Модель II

«Алексей (отцу). Дядю Валю добил ты.

Соболев (кричит). Это ложь! Я его спас! Я!

Алексей. Нет. То был другой человек – лейтенант Соболев. А ты его угробил.

Соболев. Это подло!

Сашенька (резко). Как ты разговариваешь с отцом?!» (Р.К., с. 49).

В данной модели сигналом коммуникативного конфликтного акта выступает употребление лицом-ребенком (сыном) единиц *добил*, *угробил*, выражающих негативную характеристику поведения лица-родителя (отца).

В приведенных конфликтных дискурсах, кроме единиц, указывающих на то, что в общении произошел сбой: (I) *Перестань*, *Нехорошо*, (II) *ложь*, *подло*, *Как ты разговариваешь*, маркерами, усиливающими ситуацию конфликта, являются лексические единицы, аргументирующие коммуникативную коррекцию: *о матери*, *с отцом*. И поскольку, как известно, каждый из участников дискурса является носителем определенных социально-ролевых характеристик, происходит столкновение иллокутивных целей, обусловленное тем, что речевое поведение одного из них не соответствует социальным ожиданиям. В представленных

контекстах мы видим коррекцию нарушения младшими по возрасту этноречевого запрета на использование жанра критики в дуальной оппозиции «старший ↔ младший», частным проявлением которой являются отношения «дети ↔ родители».

Отметим, что описание механизма регулятивной деятельности оппонентов в анализируемых дискурсивных практиках «дает возможность детерминировать особые коммуникативные регулятивы конфликтного дискурса» [12, с. 84] на основе анализа которых возможно сформулировать конфликтные речевые жанры.

Справедливо высказывание Н.А. Белоус о том, что анализ речевых жанров, реализуемых в различных моделях конфликтного дискурса, может показать, «какие языковые средства выбирали конфликтующие стороны в зависимости от своих интенций, намерений и целей» [6, с. 21]. В свою очередь, такие сценарии, отмечает В.С. Третьякова, закрепляют «стандартный набор способов действий, а также их последовательность в развитии коммуникативного события» [4, с. 7]. Между тем, как подтверждают представленные примеры, речевой жанр должен строиться по известным тематическим, композиционным и стилистическим канонам, закрепленным в данной лингвокультуре. В противном случае возможен/неизбежен конфликт.

Итак, методом сплошной выборки из текстов произведений русских писателей XX в. были выявлены коммуникативные модели конфликтного дискурса, которые включали в себя высказывания-нарушения коммуникативных норм этноречевых запретов и высказывания-коррективы, потенциально направленные на прекращение конфликтного речевого взаимодействия. При этом анализ репликовых шагов всех вовлеченных в конфликтный дискурс коммуникантов делает возможным определить тот круг лексем и идиом, которые, указывая на социально релевантные признаки как объектов, так и субъектов коммуникативной коррекции, аргументируют коммуникативную коррекцию. Они выступают маркерами конфликтности в речевой интеракции и одновременно позволяют определить жанровую специфику правил этноречевых запретов, регулирующих зону коммуникации в социальной оппозиции «старший ↔ младший».

Так, наличие в дискурсивной модели негативной оценочной лексемы *малолетка*, выражающей отрицательную характеристику личностных качеств младшего по возрасту коммуниканта, позволяет нам рассматривать ее в качестве маркера конфликтности, обосновывающего коммуникативную коррекцию в случае нарушения младшим этноречевого запрета на использование жанра назидания, например: «Не учи меня жить, – бросает Славка. – Ты еще малолетка, чтобы меня учить. Поживи с мое, тогда учи» (Э.Л.).

Таким образом, приведенные примеры подтверждают: базой для реализации конфликтного дискурса может стать нарушение этноречевых запретов на использование определенного жанра по параметру социальной роли в дуальной оппозиции «старший ↔ младший».

Отметим также, что конфликтным можно признать и дискурс, в котором языковые маркеры указывают на нарушение речевой инициативы по параметру возраста, например:

«А ты не выскакивай, стручок, слушай старших» (В.Р.2.);

«А ну помолчи, когда старшие говорят! И Федорка, притиснувшись спиной к перилам, моментально закрыла рот» (В.О.).

Из приведенных примеров видно, что маркерами конфликтного коммуникативного акта являются лексемы, указывающие либо на возраст объекта коммуникативной коррекции (*стручок*), либо на возраст субъекта коммуникативной коррекции (*старшие*). Кстати, отметим, что единица *стручок* в данной коммуникативной ситуации выступает контекстуальным синонимом к лексеме *младший*. В поисках подтверждения высказанной мысли мы обратились к различным толковым словарям, в которых дефиниции к слову *стручок* в целом совпадали с определением С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой в «Толковом словаре русского языка»: «У некоторых растений: длинная и узкая двустворчатая оболочка, заключающая в себе семена и раскрывающаяся при их созревании» (ТСРЯ, с. 764) Однако в контексте сказанного данное объяснение не могло стать базой для ассоциативной связи между лексемой *стручок*, еще незрелым плодом, и лексемой *младший*, обозначающей, соответственно, возраст оппонента. Лишь в «Словаре русского арго» мы находим обоснование: «2. Молодой, неопытный. Стручок еще со мной спорить-то!» (СРА).

Подобный лингво-коммуникативный анализ аналогичных дискурсивных практик позволил нам выделить ролево-коммуникативные этноречевые запреты на речевую инициативу по параметру возраста, под которыми нами понимается «имплицитное коммуникативное предписание, при каких условиях в общении со “старшими” “младший” может перейти из коммуникативной позиции “слушающий” в коммуникативную позицию “говорящий”» [11, с. 113].

Перечислим языковые единицы, которые выступают прямым или косвенным обоснованием коммуникативного вмешательства путем отсылки к социально релевантным признакам лиц, выступающих субъектами коммуникативной коррекции или объектами, по отношению к которым нарушены коммуникативные правила молчания.

Во-первых, это лексемы, указывающие на семейно-родственный статус субъектов коммуникативной коррекции: *мать, отец*.

Во-вторых, это лексемы, указывающие на возраст субъектов коммуникативной коррекции: *старшие, взрослый дядя* и т. д.

В-третьих, это лексемы, указывающие на возраст субъектов или объектов коммуникативного нарушения: *сопляк, соплячка, молод, молоде, стручок, молодой да ранний, пацан, малявка, малолетка, дрянная девчонка, современная молодежь* и т. д.

В-четвертых, это идиоматическое выражение с семантикой запрета: *Яйца курицу не учат*, которое, по определению Т.Е. Владимировой, может «рассматриваться как синтактико-прагматическая проекция ценностных представлений, идеалов и усвоенных стереотипов поведения и принятия решений, характерных для русской языковой личности» [13, с. 29]. Это положение подтверждается определением, представленным в «Лингвострановедческом словаре» В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова: так «говорится обычно с пренебрежением к совету того, кого считают молоде и неопытнее» (ЛСС, с. 116). Например:

«Усачев. Нет, я вас только предупреждаю. А угрожает вам жизнь. Ведь вы сознательно не замечаете того, что может вас как-то задеть или расстроить. Нельзя так жить, Константин Николаевич, в наше время.

Боков. Ну, знаете... Яйца курицу не учат!» (Л.Л., с. 145).

Перечисленные маркеры конфликтности представляют собой прямое указание на социально релевантные признаки коммуникантов, вовлеченных в конфликтный дискурс.

Однако, на наш взгляд, внимания заслуживают и примеры не прямой (косвенной) номинации указанных признаков:

«Анка. Вот уже готова переменить к нему отношение. Ох, мама, мама! С виду современная женщина, в курсе всех книг и газет, а на самом деле... Наташа права.

Мать. Ну кто я? Кто? Говорите, не стесняйтесь. Кто?

Анка. Обыкновенная допотопная мамаша, только и всего.

Мать. Да как ты смеешь! Ты... ты... как смеешь! Вот благодарность за бессонные ночи над твоей колыбелью» (А.У., с. 98).

В данной конфликтной модели развернутая метафора «над твоей колыбелью», употребляемая вместо лексемы *мать*, выражает эмоционально-оценочное отношение к нарушению этноречевого запрета на использование жанра критики по отношению к лицу, выполняющему роль «родитель». Для носителей русского языка данное выражение закономерно ассоциируется с лицом-родителем.

Итак, исследование лексического состава языковых единиц, проведенное на материале корректирующих высказываний, собранных из текстов художественных произведений русских писателей XX в., позволило сделать следующие выводы.

1. В русском межличностном дискурсе появление маркеров конфликтности обусловлено нарушением правил этноречевых запретов в социальной оппозиции «старший ↔ младший», частным проявлением которой является оппозиция «родители ↔ дети». Данные языковые маркеры являются единицами, не только аргументирующими коммуникативную коррекцию, но и регулирующими коммуникативное поведение личности.

2. Указывая на социально релевантные признаки лиц, в силу различных обстоятельств вовлеченных в конфликтный дискурс, маркеры позволяют выявить коммуникативные ситуации, в которых предпочтительнее и/или желательнее промолчать.

3. Маркеры конфликтности могут выступать одновременно и способом самоидентификации личности, вовлеченной в конфликтный дискурс, и эксплицитным средством речевого регулирования коммуникативного поведения личности, нарушившей конвенциональные нормы молчания в социальной оппозиции «старший ↔ младший».

Таким образом, выделение и анализ маркеров конфликтности в русском межличностном дискурсе дают возможность определить жанровую специфику правил этноречевых запретов, регулирующих зону коммуникации в дуальной оппозиции «старший ↔ младший». Кроме того, подобный подход позволяет выйти за рамки данной социальной оппозиции и исследовать дискурсивные практики, в которых реализуется конфликтный дискурс, обусловленный нарушением

коммуникативных правил молчания в социальной оппозиции «мужчина ↔ женщина», «начальник ↔ подчиненный».

Мы полагаем, что результаты исследования могут внести вклад в изучение феномена конфликта в русском межличностном дискурсе.

Источники

- А.У. – *Успенский А.* Анка. На встречу жизни. Девушка с веснушками: Пьесы. – М.: Сов. писатель, 1964. – 493 с.
- В.О. – *Осеева В.А.* Динка прощается с детством. – URL: <http://knigger.com/texts.php?bid=21855&page=127>, свободный.
- В.Р.1. – *Розов В.С.* В добрый час. – URL: <https://fanread.net/book/8831512/?page=10>, свободный.
- В.Р.2. – *Розов В.С.* В поисках радости. – URL: <https://fanread.net/book/3222850/?page=4>, свободный.
- Л.Л. – *Ленч Л.С.* Трудный старик: Комедии. – М.: Сов. писатель, 1984. – 343 с.
- Р.К. – *Корнев Р.Б.* Семейная фотография: Пьесы. – Л.: Сов. писатель, 1979. – 295 с.
- Э.Л. – *Лимонов Э.В.* Подросток Савенко. – URL: http://www.danilov.lg.ua/author/2498/ebook/55387/limonov_eduard/podrostok_savenko/read/3, свободный.
- ЛСС – *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1988. – 267 с.
- СРА – *Елистратов В.С.* Словарь русского арго. – URL: gramota.ru/slovari/argo/53_13386, свободный.
- ТСРЯ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

Литература

1. *Ли Же.* Дискурс, в котором мы живем (к проблеме определения «дискурса») – URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-117185.html>, свободный.
2. *Музычук Т.Л.* Русский невербальный дискурс и его языковая репрезентация в диалогах художественной прозы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания. – 2009. – № 3. – С. 47–56.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 447 с.
4. *Третьякова В.С.* Речевой конфликт и гармонизация общения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 36 с.
5. *Владимирова Т.Е.* Самобытный мир русского дискурса // Вестн. Центра междунар. образ. Моск. гос-го ун-та. Сер. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2009. – № 2. – С. 7–14.
6. *Белоус Н.А.* Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008. – 52 с.
7. *Крысин Л.П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 42–52.
8. *Шибутани Т.* Социальная психология. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 539 с.
9. *Азнабаева Л.А.* Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 1998. – 182 с.

10. *Беляева Е.И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 180 с.
11. *Садыкова И.А.* Корректирующие высказывания в татарской и русской диалогической речи: на материале отражения нарушений этноречевых запретов в современной драматургии: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 186 с.
12. *Белоус Н.А.* Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2008. – № 13. – С. 74–113.
13. *Владимирова Т.Е.* Речевое общение в межкультурном личностном взаимодействии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007. – 47 с.

Поступила в редакцию
29.01.19

Садыкова Илсояр Афтаховна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: isadikova7@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 127–137

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.127-137

Conflict Markers in the Russian Interpersonal Discourse

I.A. Sadykova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: isadikova7@mail.ru

Received January 29, 2019

Abstract

This paper develops the studies aimed at investigating discourse markers of conflict talk in the Russian language. It was suggested that the discourse markers used in conflict talk determine communication and can change the interlocutor's speech in case if ethno-speech prohibition, a type of communicatively meaningful silence, is violated. The purpose of the research was to determine the composition of linguistic units, which, in their content, represent direct or indirect rationale for communicative intervention in conflict talk. Statements-corrections can refer to socially relevant signs of either subjects of communicative correction (snorter, buster, etc.) or objects, towards whom the communicative rules of silence are violated (mother, father, senior, etc.). The suggested approach enables a claim that conflict markers indicating socially relevant signs of interlocutors can simultaneously perform the following two functions: firstly, they can serve as a way of self-identification of a person involved in conflict talk; secondly, they represent an explicit means of verbal regulation of the communicative behavior if a person violates the conventionalized norms of silence in social opposition "senior" ↔ "junior". The results of the analysis can contribute to the study of the phenomenon of conflict talk in the Russian language.

Keywords: markers of conflict, conflict discourse, ethno-speech prohibitions, socially relevant signs, conflict talk, statements-corrections

References

1. Li Zhe The discourse in which we live (on the problem of “discourse” definition). Available at: <http://ru.convdocs.org/docs/index-117185.html>. (In Russian)
2. Muzychuk T.L. Russian non-verbal discourse and its linguistic representation in dialogues of fictional prose. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Russkii i Inostrannye Yazyki i Metodika Ikh Prepodavaniya*, 2009, no. 3, pp. 47–56. (In Russian)
3. Karasik V.I. *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, and Discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 447 p. (In Russian)
4. Tret'yakov V.S. Verbal conflict and harmonization of communication. *Extended Abstract of Doct. Philol. Diss.* Moscow, 2003. 36 p. (In Russian)
5. Vladimirova T.E. Original world of Russian discourse. *Vestnik Tsentra Mezhdunarodnogo Obrazovaniya Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*, 2009, no. 2, pp. 7–14. (In Russian)
6. Belous N.A. Conflict discourse in the communication space: Semantic and Pragmatic aspects. *Extended Abstract of Doct. Philol. Diss.* Krasnodar, 2008. 52 p. (In Russian)
7. Krysin L.P. Verbal communication and social roles of speakers. In: *Sotsial'no-lingvisticheskie issledovaniya* [Sociolinguistic Studies]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 42–52. (In Russian)
8. Shibutani T. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Rostov-on-Don, Feniks, 1999. 539 p. (In Russian)
9. Aznabaeva L.A. *Printsipy rechevogo povedeniya adresata v konvetsional'nom obshchenii* [Verbal Behavior Principles of Addressees in the Conventional Communication]. Ufa, Bashk. Gos. Univ., 1998. 182 p. (In Russian)
10. Belyaeva E.I. *Funktional'no-semanticheskie polya modal'nosti v angliiskom i russkom yazykakh* [Functional and Semantic Fields of Modality in English and Russian Languages]. Voronezh, Izd. Voronezh. Univ., 1985. 180 p. (In Russian)
11. Sadykova I.A. Corrective statements in Tatar and Russian dialogical speech: Based on the material of reflection of violations of ethno-speech prohibitions in modern drama. *Cand. Philol. Diss.* Kazan, 2005. 186 p. (In Russian)
12. Belous N.A. Conflict discourse in communication space: Semantic and pragmatic aspects. *Mir Lingvistiki i Kommunikatsii*, 2008, no. 13, pp. 74–113. (In Russian)
13. Vladimirova T.E. Verbal communication in intercultural personal interaction. *Extended Abstract of Doct. Philol. Diss.* Moscow, 2007. 47 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Садыкова И.А. Маркеры конфликтности в русском межличностном дискурсе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 127–137. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.127-137. ⟩

⟨ **For citation:** Sadykova I.A. Conflict markers in the Russian interpersonal discourse. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 127–137. doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.127-137. (In Russian) ⟩